

С.Ю. САПРЫКИН

ГЕТО-ДАКИЙСКИЕ ЦАРСТВА ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

В античном Причерноморье существовало много различных государств, прошедших длительный период развития и становления. Одни из них функционировали недолго, другие сохраняли значение в течение нескольких столетий. Среди них греческие города-государства на побережье Черного моря и многочисленные царства, в том числе варварские, которые постоянно взаимодействовали друг с другом. Одним из районов, где такое взаимодействие было наиболее ярко выражено, являлся Западный или Левобережный Понт. Здесь существовали племенные и территориально-племенные объединения фракийцев, которые принято считать царствами, например, одрисов, сапеев, астов, кенитов, бесов и других. Они, хотя и переросли в государства эллинистического типа, но не являлись царствами в полном смысле слова, а были скорее союзами племен, в которых власть принадлежала одному племени и одной династии, как это наблюдалось у одрисов или сапеев. В северофракийских областях к таким территориально-племенным образованиям следует отнести союзы племен гетов или гето-даков, а также кельтов-галатов, бастарнов, бритологов. Поэтому целью данных заметок является попытка проследить развитие процессов государствообразования у гетских племен в эпоху эллинизма, что предопределило появление мощного гетского объединения в римскую эпоху, сумевшего достойно противостоять римлянам при завоевании Дакии на рубеже I-II вв. н.э.

Как и у племен южных и центральных районов Фракии, государственная власть у гетов не отличалась особой прочностью. К наиболее ранним политическим образованиям в Северной Добрудже и в области между устьем Дуная и Днестром, где обитали гетские племена, можно отнести так называемое «царство Дромихета». Его возвышение приходится на конец IV – начало III в. до н.э., а первое конкретное свидетельство о нем относится к 313 г. до н.э. В этот год войска македонского царя Лисимаха осадили город Каллатис и воевали с пришедшими ему на помощь другими греческими городами Левобережного Понта. К этому времени фактически во всем северобалканском регионе образовалась мощная коалиция против македонской экспансии, во главе которой стояли царь одрисов Севт III и гетский

царь Дромихет. К коалиции примкнули также скифы, жившие в Добрудже [Landucci Gattinoni, 1992, p. 102 suiv.; Делев, 1992, с. 51-59; Сапрыкин, 2002, с. 248; подробно см. Блаватская, 1948, с. 207]. Диодор сообщает, что жители эллинских городов Малой Скифии привлекли к союзу тех фракийцев и скифов, земли которых граничили с их собственными владениями [Diod. XIX. 73. 2]. Речь, очевидно, шла о хоре греческих полисов и землях, находившихся под властью скифских и фракийских (гетских) правителей. По этому договору «фракийцы», т.е. геты, совместно со скифами Добруджи выставили воинские контингенты для помощи своим союзникам-грекам, но Лисимаху удалось переманить гетов на свою сторону, очевидно, путем подкупа [Diod. XIX. 73. 4-5].

Из этих сообщений можно сделать два важных вывода. Во-первых, к 313 г. до н.э. геты уже владели определенной территорией, находившейся под властью царя или племенных вождей, колы скоро сумели договориться с греками о границе между их владениями и хорой эллинских полисов. Во-вторых, в это время геты не предпринимали никаких попыток овладеть сельской округой полисов и уж тем более распространить на них свой протекторат. В-третьих, геты имели достаточно боеспособную и организованную военную силу во главе с представителями племенной верхушки, которая пошла на сговор с македонянами в ущерб союзу с эллинскими городами. Мироточивие гетских племен по отношению к грекам и их владениям объяснялось тесной зависимостью оседлых земледельцев-гетов от греческих полисов, через которые варвары сбывали хлеб и получали от греков различные товары – вино, масло, керамику, украшения. Переход гетов на сторону Лисимаха ухудшил положение осажденных каллатийцев и вынудил их сдать город. Но это был, по-видимому, лишь эпизод, который не изменил негативного отношения гетов к македонянам. А предательство части гетской племенной верхушки и некоторых племенных вождей могло быть следствием недовольства ростом влияния одного из них – Дромихета, что говорит о слабости его власти, пока еще зависимой от вождей различных племен.

Лисимах, недовольный позицией Дромихета, начал вскоре активные военные действия против гетов. В одной из стратегем Полиена, в которых рассказывается о хитростях и уловках различных полководцев, говорится, что Лисимах отправился в поход на Фракию, когда там правил Дромихет, сумевший обмануть могущественного диадоха, сподвижника самого Александра Македонского. Стратег Дромихета по имени Севт перебежал к Лисимаху и, доказав ему свою преданность, завел его войско в пустынное место, где оно страдало от жажды и голода. Дромихет же, неожиданно напав на македонян, их всех уничтожил, включая и самого Лисимаха [Polyaen VII. 25]. К этому сообщению надо относиться с большой осторожностью, поскольку Лисимах погиб не во Фракии, а в Малой Азии в 281 г. до н.э. Однако факт разгрома его войска гетами Дромихета современными учеными не оспаривается. Судя по

имени, Севт – восначальник гетского царя – был фракийцем из племени одрисов.¹ На этом основании исследователи предполагают, что незадолго до своей кончины (приблизительно в середине последнего десятилетия IV в. до н.э.) одрисский царь Севт III направил отряд на помощь Дромихсту, своему союзнику с 313 г. до н.э., поставив перед ним задачу отразить нападение Лисимаха. Однако у Полиена прямо говорится, что Севт, перебежавший к македонянам, был стратегом не одрисского царя Севта III, а царя фракийцев Дромихета. К тому же его отряд и войско Дромихета действовали параллельно друг другу, а Севт сумел втереться в доверие к македонскому полководцу. Последнее означает, что Лисимах доверял одрисам, поскольку в конце жизни Севт III мог отступить от прежней резко антимакедонской политики и признать над собой верховную власть македонян. На это как будто бы указывают некоторые детали известной надписи из Севтополя, которую оставили наследники Севта III. В ней, в частности, упомянут гипарх Эпимен, служивший, как полагают, еще Лисимаху в бытность его царем во Фракии. [Dimitrov, Čičikova, 1978, p. 43; Тачева, 1987, с. 21; Сапрыкин, 2002, с. 251]. Не исключено, что стратег Севт как один из сыновей одрисского царя командовал дружиной одрисов на службе у Дромихета. Это могло произойти в 306 г. до н.э., когда Лисимах принял титул царя и Севт III должен был сложить свой царский титул, признав себя вассалом македонян. Чтобы упрочить положение среди одрисов, Лисимах взял в жены или в наложницы одрисскую принцессу. Это произошло до 300 г. до н.э., когда он вступил в новый брак с Амастридой, вдовой гераклеяского тирана Дионисия. [App. Syr. 64; Paus. I. 10. 4; Seibert, 1967, s. 95, 96]. Часть одрисской знати не смирилась с усилением позиций македонян во Фракии, поэтому поддержала молодого Севта, сына царя Севта III, и направила отряд на помощь союзникам – гетам, во главе которых стоял Дромихет. Последний не признал себя вассалом македонян, сохранил царский титул, что превратило его в более значимую, нежели Севт III, фигуру, и стало причиной, почему греческие историки называли Дромихета «царем одрисов» или «царем фракийцев», как в источнике Полиена или у Полибия [Polyb. Fr. 16]. Независимая позиция гетов привела к войне с Лисимахом, против которого выступили и одрисы. Поэтому их союз с гетами сложился исключительно в результате македонской военной угрозы, которая постоянно витала над северобалканскими племенами в последней декаде IV в. и в начале III в. до н.э.

Лисимах как минимум дважды совершал военные походы в страну гетов. Во время первого из них, состоявшегося между 301-297 гг. до н.э., в плен к гетам попал Агафокл, сын Лисимаха, отпущенный затем Дромихетом в надежде получить обратно часть территории своего царства, завоеванной

¹ В рассказе Полиена возможно искажение имени стратега, поскольку в рукописи стояло ΑΙΘΕΙΣ, а Севт – это конъюнктура более позднего времени [Swoboda, 1916, s. 2023; Антонов, Бондарь, Владимирская, Егоров, Косинцева, Холод, 2002, с. 514].

македонянами [Diod. XXI. 11; Strabo VII. 3. 8; Paus. I. 9. 61], возможно, в ходе первых столкновений с гетами и скифами Добруджи еще в 323-313 гг. до н.э. [Diod. XVIII. 11. 1; XIX. 73]. Однако геты не добились своего, и когда Лисимах снова двинулся на них походом, по всей видимости, в 292 г. до н.э., союзник Дромихета одрис Севт применил рассказанную Полиеном хитрость, вследствие чего в плен попал уже сам македонский царь [Polyaen VII. 25; Strabo VII. 3. 8; 14; Paus. I. 9. 6; Diod. XXI. 12; Plut. Dem. 29 (52); Memn. 5; Justin XVI. 1. 19]. Это дало некоторым древним историкам возможность ошибочно говорить о его смерти [Тачева, 1987, с. 25; Йорданов, 1990, с.15], хотя Агафокл, пользовавшийся расположением гетских вождей, устроил, согласно Павсанию, дело в пользу отца, и Дромихет отпустил Лисимаха и его союзника Клеарха II, сына Дионисия, тирана Гераклеи Понтийской, и его супруги Амастриды. Участие гераклейского тирана в походе Лисимаха объяснялось не только тем, что Гераклея Понтийская в это время находилась под управлением македонского диадоха. Гераклеоты были озабочены сохранением своих традиционных торговых связей в регионе, поскольку Лисимах владел Каллатисом, их колонией в Добрудже. Дромихет отпустил диадоха македонян во многом из-за того, что македоняне уступили ему вожделенную область по ту сторону Дуная, захваченную ранее Лисимахом.

Из этих сообщений следует ряд важных выводов. Во-первых, Гетское царство Дромихета консолидировалось вследствие частых нападений македонян и захвата Лисимахом территории в устье Дуная, ранее принадлежавшей гетскому союзу племен. Во-вторых, кампания 313 г. до н.э. и последующие войны с македонянами вплоть до 292 г. до н.э. показывают, что верхушка гетских племен во главе с Дромихетом время от времени пыталась заигрывать с македонянами, как это делал и союзник гетов одрисский властитель Севт III. Вначале фракийцы-геты (и одрисы) изменили союзу с Каллатисом, по сути предав его, что способствовало захвату города Лисимахом. Затем Дромихет милостиво обошелся с сыном македонского диадоха, вступив в сговор с ним и с его отцом. Вскоре гетский царь оказал высшие почести самому Лисимаху, попавшему к нему в плен, и старался не унижить его царского достоинства [Diod. XXI. 12; Strabo VII. 3. 8; 14]. Мы объясняем это тем, что, несмотря на безоговорочное лидерство Дромихета среди гетских вождей племен, его власть была все же шаткой и зыбкой, во многом зависимой от настроений его окружения, а оно, как мы убедились, не всегда последовательно проводило антимакедонскую политику. Сказывались и межплеменная борьба, и боязнь могущества македонского царя. Однако главным был политический расчет: к 292 г. до н.э. Деметрий Полиоркет, воспользовавшийся трудностями Лисимаха в Подунавье, начал расширять свою власть в Греции и на севере Балкан, угрожая Лисимаху. Последнему ничего не оставалось, как создать против Деметрия новую коалицию, в которую, помимо самого Лисимаха, вошли Птолемей и Селевк [Will, 1979, p. 90; Шофман, 1984, с. 126].

Естественно, что северофракийские племена опасались участников этого союза, в котором одну из ведущих ролей играл их противник Лисимах. Боялись они и усиления Деметрия Полиоркета, поэтому пытались заигрывать с Лисимахом.

Важно также подчеркнуть, что, в отличие от других варварских царей эпохи раннего эллинизма, Дромихет не привлекал на службу греческих наемников и командиров. Он обходился исключительно своими силами или приглашал союзников-одрисов. Заигрывание с македонянами объясняется не заинтересованностью гетов в восприятии всего эллинского, а чисто прагматическими мотивами – желанием поскорее получить обратно утраченную территорию и встать вровень с могущественными государствами того времени, чтобы повысить престиж среди подданных. Предательство по отношению к Каллиатису и другим полисам Западного Причерноморья, отсутствие греческих военачальников и показушное выпячивание перед Лисимахом бедности своего племени говорит в пользу нежелания гетской племенной знати поставить греков из прибрежных полисов под свой протекторат или хотя бы под свой контроль. А сам факт привлечения греками к союзу против Лисимаха гетского правителя говорит о том, что геты пока еще не помышляли о захвате земель, находившихся во владении эллинских полисов. Это свидетельствует о слабой эллинизации гетского общества, что отличало царство Дромихета от его южных соседей – фракийцев, особенно одрисов, которые постоянно стремились распространить свою власть на греческие города побережья.

Диодор Сицилийский оставил довольно подробное описание уровня развития гетских племен на рубеже IV-III вв. до н.э. Несмотря на то, что греческие авторы называют Дромихета «царем» [ὁ τῶν Θρακῶν βασιλεύς – Diod. XXI. 12. 1; Γετῶν βασιλεύς – Strabo VII. 3. 8; ср. Polyb. Fr. XVI], политическое объединение гетов под его властью вряд ли можно квалифицировать как «царство» или государство в полном смысле слова с традиционными атрибутами – прочной властью единодержавного монарха, опиравшегося на наместников – правителей, системой государственного фиска, армией, репрессивным аппаратом и т.п. Это видно из описания событий, последовавших за пленением Лисимаха. Когда его привели в гетский город Хелис (Ἥλις), то все его население поспешно созвали на сходку, своего рода народное собрание или вече, где каждый имел право высказывать свое мнение. Вызванные на это собрание «фракийцы», как называет их Диодор, кричали, что пленных надо «привести в середину толпы» и казнить. Дромихет же выступил и сказал, что Лисимаху и его свите следует сохранить жизнь, чтобы впоследствии вернуть захваченные македонянами крепости (τὰ φρούρια), принадлежавшие ранее «фракийцам». Его речь была убедительной и большинство гетов одобрило предложение царя. После этого был устроен пир, на котором ложа для македонян украсили царской драпировкой, взятой в качестве добычи у побежденного врага, а столы сервировали дорогой посудой и яствами. Фракийцы во главе с Дромихетом и его друзьями восседали за деревянным столом на простых

ложах из соломы, а еда их составляла обычный рацион из мяса и растительной пищи. «Гостям», т.е. пленным, вино подавали в золотых и серебряных кубках, а для гетской знати в простых сосудах из рога и дерева [Diod. XXI. 12].

В этом описании, если отбросить традиционное для эпохи эллинизма восхваление достоинств и простоты обычаев варваров, их врожденного благородства и бедности как антипода роскоши греков и римлян, важно указание на явные пережитки первобытнообщинного строя и элементы военной демократии. Это сходка всех членов племени, зависимость царя от племенного собрания, что делало его похожим на племенного вождя, одобрение решения царя всем собранием соплеменников и воинов, требование коллективного наказания пленных, восседание или возлежание царя на пиру не отдельно от свиты, и не на возвышении, как положено первому лицу, а вместе со свитой, не выделяясь ни одеждой ни трапезой. Но в то же время у гетов был институт «друзей» - φίλοι царя, как у македонян. Это значит, что юноши из знатных родов могли воспитываться вместе с царем при его дворе. Гетское общество при Дромихете находилось на стадии разложения первобытнообщинных отношений и перехода к сословному неравенству, являя собой пока еще не государство, а союз племен в процессе разложения военной демократии и зарождения государственности. А то, что на пир с Лисимахом пригласили только племенную знать во главе с «царем» – предводителем гетского войска, должно свидетельствовать о начале процесса выделения знатной верхушки у северофракийских племен, которая сплотилась вокруг племенного вождя в момент опасности. Верховного вождя или царя наделяли полномочиями заключать договоры и соглашения, в данном случае с Лисимахом и его сыном Агафоклом. Но у гетов уже были укрепления и города типа Хелиса, если верить античным источникам. Однако скорее всего их следует понимать как обычные племенные центры – столицы племенных территорий, где находились резиденции племенных царьков или вождей, объединившихся под властью Дромихета, наиболее авторитетного, богатого и могущественного из вождей. Хотя крайняя заинтересованность Дромихета и его соплеменников в возврате захваченных Лисимахом территорий и укреплений может указывать на то, что переход от союза племен к раннеклассовому государству у гетов шел уже быстрым темпом [Йорданов, 1984, с. 114-116; Pippidi, 1975, p. 51-53]. Впрочем, развитие государственных отношений у гетских племен происходило медленнее, чем у одрисов. У фракийцев южных областей градообразующие цитадели – резиденции правителей и наместников – появляются уже на рубеже IV – III вв. до н.э., а у гетов они возникают только в I в. до н.э. – II в. н.э. [Калоянов, 1988, с. 73-77]. До этого цитадели у них являлись не городами в качестве центров ремесла и торговли, а резиденциями племенных вождей, союзников или друзей царя.

Таким образом царство гетов Дромихета, несмотря на одержанную в войне с Лисимахом победу, экономически и политически было слабым и больше

всего напоминало союз племен, а не государство эллинистического типа. Для него характерна крайне низкая степень эллинизации населения, включая даже родовую аристократию. Но победы над македонянами укрепили власть Дромихета, что стало началом проникновения в гетскую среду греческого влияния и образа жизни. Об этом свидетельствует женитьба Дромихета на дочери Лисимаха с целью скрепить дружественные отношения двух правителей [Paus. I. 9. 6]. Включение в состав царства Лисимаха некоторых гетских областей в Подунавье, возврата которых добивался Дромихет, также содействовало процессу эллинизации.

Слабость гетского царства, его кратковременный подъем при Дромихете, связанный с военной опасностью и противоборством Лисимаху [Hiescu, 1990, s. 106], подтвердили последующие события. Мы не знаем, когда распалась держава Дромихета, а он сам умер. Во всяком случае это случилось не позднее первой четверти III в. до н.э., так как в 279 г. до н.э. объединенная коалиция гетов и трибаллов, южнофракийского племени, доставлявшего немало забот еще Александру Македонскому, пала под ударами кельтских племен [Justin XXV. 1. 2]. Разгром гетов мог быть не столько следствием численного превосходства кельтов-галатов, сколько следствием внутренней слабости и политической непрочности гетского союза, ускоренных смертью Дромихета и снижением македонской опасности в связи с гибелью Лисимаха в 281 г. до н.э. В результате рыхлости социально-экономических и политических позиций царской власти, ее неспособности, в отличие от периода борьбы с Лисимахом, сплотить вокруг себя другие племенные образования гетов и фракийцев к северу и югу от Гема для противоборства кельтам, потомки Дромихета уступили власть внешнему врагу.

Около середины III в. до н.э., во время осады сирийским царем Антиохом II Теосом города Кипселы, в его свите находились некие Терес и Дромихет, которые командовали «многими знатными фракийцами» [Polyaen. IV. 16]. Существует предположение, что это наследники Лисимаха или Севта III, супруги которых Арсиноя и Береника были связаны с сирийским двором [Тачева, 1987, с.39]. Однако убедительнее выглядит точка зрения, что Дромихет – это один из гетских правителей, а Терес – сын Севта III, упоминаемый в севтопольской надписи [Юрукова, 1982, с. 3,4; Йорданов, 1984, с.116]. Присутствие этих фракийцев в свите селевкидского царя могло быть своеобразным отголоском бывшего союза гетов Дромихета и одрисов Севта III, который при Лисимахе был направлен против македонян, а теперь оба царевича пытались заручиться поддержкой тех же македонян, но уже Селевкидов. Союз с Селевкидами был выгоден и гетам и одрисам, поскольку был направлен против кельтов Тилы. Дромихет, упоминаемый Полиеном, скорее всего, сын Дромихета, противника Лисимаха, создателя гетского племенного союза. Не исключено, что он родился от его брака с дочерью Лисимаха [Polyaen VII. 25; Paus. I. 9]. Согласно распространенной практике, включение различных правителей

в свиту того или иного македонского правителя происходило, как правило, вследствие желания бывших владык вернуть потерянную территорию или политическую власть, или по причине воспитания при дворе более могущественного царя, который рассматривал совоспитанников в качестве будущих союзников². Мы не знаем, какими целями руководствовался Антиох II Теос, включая гетского властителя Дромихета и одрисского династа Тереса вместе с их окружением в свою свиту, но здесь явно присутствовал взаимный политический интерес. Селевкидский царь хотел иметь как можно больше союзников на Балканах при соперничестве за господство в Греции с египетскими и македонскими царями, а фракийские династы рассчитывали на помощь сирийского царя в преодолении раздробленности их царств и подавлении самостоятельности отдельных вождей племен. Дромихет и Терес пошли на поклон к Антиоху II, поскольку столкнулись с сепаратизмом племенных царьков, что ослабляло царства гетов и одрисов.

Смерть Дромихета Старшего, последовавший за этим упадок могущества Гетики и одрисских династов во Фракии, вторжение кельтов и создание в Юго-Восточной Фракии их царства в Тиле вызвали появление ряда мелких племенных союзов во главе со своими правителями. Что касается территории гетов, которая охватывала Валашскую равнину, Северную Добруджу и междуречье Истра и Тираса (Дуная и Днестра) вплоть до Карпат, где локализовался гетский племенной союз Дромихета, то здесь появилось два достаточно крупных правителя – Москон и Зальмодегик, царства которых были тесно связаны с греческим городом Истрия в устье Дуная. Имя первого из них – Москона засвидетельствовано только на монетах – дидрахмах из Северной Добруджи, которые на лицевой стороне имеют изображение мужской головы в диадеме в профиль, а на оборотной всадника на шагающем влево коне, легенду ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΟΣΚΩΝΟΣ и монограмму. Считается, что на монетах упоминается гето-фракийский династ III в. до н.э. или даже первой половины столетия, который правил на севере Добруджи к югу от дельты Дуная [Preda, 1964, p. 401-408; Preda, 1973, p.181]. Монеты интересны тем, что на них впервые появляются имя и титул царя гетов, что не встречалось даже в период наивысшего подъема гетского племенного союза при Дромихете. Это явный показатель усиления царской власти и укрепления государственности в одном конкретном месте, у одного племени или племенного союза в Дунайской дельте. Они свидетельствуют также об уровне развития торговли, ибо чекан серебряной монеты возможен только при росте доходов казны. Доходы, позволившие чеканить полновесную серебряную монету, могли быть связаны с эксплуатацией оседлых земледельцев в дунайской низменности, которые

² Достаточно вспомнить каппадокийского династа Митридата, будущего царя Понтийского царства, который вместе с отцом состоял в свите «властителя Азии» Антигона Одноглазого [Bosworth, Wheatley, 1998, p. 161-163].

выращивали зерновые и сбывали их через купцов из Истрии и других эллинистических городов. Монеты отражали и возросший уровень эллинизации гето-фракийской племенной верхушки, на что указывает монетная легенда на греческом языке и облик дидрахм, навеянный традициями греческого монетного дела. Это результат прямого воздействия Истрии и других греческих городов на развитие экономики у гетов, с древних времен связанных торговыми узами с греками. Исследователи, правда, предполагают, что царь Москон был все-таки незначительной политической фигурой, поскольку его более не упоминает ни один источник, но это, по-видимому, не совсем так.

Изображения на монетах царя Москона напрямую подражают типам монет Македонии времени Филиппа II. Гетские племена еще на рубеже IV-III вв. до н.э. активно чеканили посмертные подражания монетам Филиппа II по всей территории своего расселения между Балканами и устьем Дуная. При этом для каждого района Дакии или Гето-Дакии характерны свои особенности чеканки, свидетельствовавшие о различных эмиссионных племенных центрах. Варварские имитации монет Филиппа II, а чуть позднее тетрадрахм Александра Македонского и Филиппа III Арридея, фиксировали не столько уровень эллинизации гетского общества, точнее отдельных племенных союзов, сколько установление довольно активных торговых связей с греческими городами побережья Черного моря и Северной Македонией [Preda, 1973, p. 441-457; Donoiu, 1980, p. 5-7]. «Варварские» образцы подражаний интерлокальным греческим монетам ни разу не несли титула и имени кого-нибудь из гетских племенных вождей или царей. Это обстоятельство, как и яркие эллинистические черты монет царя Москона, на которых впервые встречаются титул и имя правящего царя, позволили высказать предположение об их чеканке в Истрии. Если это действительно было так, то Москон являлся царем крупного племени на Нижнем Дунае или, подобно Дромихету, возглавлял гетский племенной союз, который объединял ряд родственных племен. Монеты Москона были выпущены приблизительно в то время, когда в состав свиты Антиоха II Теоса входил Дромихет, предполагаемый наследник Дромихета Старшего. В таком случае, учитывая более низкий ранг этого Дромихета и его вхождение в свиту селевкидского царя, можно допустить, что именно Москон стал, если не прямым преемником Дромихета-отца, то одним из наиболее могущественных вождей, который пытался занять его место в политической иерархии гетских этно-политических образований. Для этого он чеканил монету, выступавшую, помимо прочего, и как символ политической власти. Но царство или племенной союз во главе с Москоном уступал по могуществу и значимости союзу племен, который сплотился вокруг Дромихета Старшего.

В Северо-Восточной Добрудже, недалеко от Истрии, частично на левом берегу Дуная, находились владения другого гетского властителя Зальмодегика, известного только по истрийской надписи второй-третьей четверти III в. до н.э.

[Pippidi, 1961, p. 53-66; Pippidi, 1962, s. 75-88]³. Это почетный декрет в честь трех истрийских граждан, отправленных послами к Зальмодегику, которые прошли через враждебную страну ради заложников. Претерпев всевозможные опасности, проявив смелость, послы позаботились о заложниках в количестве 60 человек. Гетский правитель и послы Истрии пришли к взаимному согласию, чтобы все доходы были переданы гражданам Истрии [ISM. 8 = Pippidi, 1967, p. 167-185; cf. Alexandrescu, 1968, p. 275; Pippidi, 1975, p. 65-80]. В этой надписи Зальмодегик не титулуется царем, там указано только его имя. Д. Пиппиди совершенно прав, что данное теофорное имя выдает человека очень высокого социального ранга, поскольку в его основе заложено имя верховного гето-дакийского бога Залмоксиса. Возможно, Зальмодегик был его верховным жрецом, однако отсутствие у него царского титула неслучайно.

Гетские имитации монет Филиппа II и монеты царя Москона появились в 300-250 гг. до н.э., а ок. 254 г. до н.э. Дромихет, предполагаемый сын Дромихета Старшего, был включен в свиту Антиоха II без царского титула, хотя его отец считался «царем фракийцев». Приблизительно в это же время или чуть позднее Зальмодегик, также не имевший царского титула, совершил враждебные действия против Истрии. Они сводились к опустошению ее хоры и присоединению ее части к его владениям, в результате чего 60 истрийских граждан оказались у него в заложниках с целью не допустить ответных действий эллинов для возврата аграрной округи. Зальмодегик хотел собирать с нес доходы в свою пользу. Скорее всего, гетский властитель захватил земли, где обитали эллинизированные оседлые геты, так называемые «истриане», считавшиеся полусвободными полузависимыми крестьянами-паройками, платившими Истрии подать сельскохозяйственными продуктами, в основном, зерном⁴. Очевидно, это одна из первых попыток гетской знати и племенных вождей завладеть сельскохозяйственными ресурсами греческого полиса, т.е. своеобразная акция по расширению границ племенного домена за счет хоры греческого города-государства. Возможно, участие Дромихета Младшего в осаде фракийского города Кипселы также диктовалось расчетом добиться от Селевкидов права получать доходы с его земель. Дромихет Младший и Зальмодегик не имели царского титула, поскольку номинально могли подчиняться вождю гетского союза племен Москону, которого признавало верховным правителем большинство гетских племенных вождей и потому он стал выпускать свою монету под именем царя. Как ранее при Дромихете Старшем, племенные вожди считались его вассалами и должны были платить ему дань, что толкало некоторых, в данном случае, Зальмодегика, на захват плодородных

³ К. Йорданов [1984, с. 118] датирует эту надпись ок. 200 г. до н.э., что несколько занижено, так как по палеографии она уверенно датируется III в. до н.э. (см. комментарий к ISM. 8).

⁴ Главными продуктами торгового обмена гетов с греками были скот и зерно [Златковская, 1951, с. 19].

земель греческих полисов. Поступление доходов от эксплуатации различными гетскими вождями оседлых земледельцев, в том числе и тех, кто населял хору греческих полисов, позволяло Москону пополнять казну и выпускать полновесные серебряные дидрахи, а не варварские имитации монет македонских царей, до того чеканившиеся гетами. Однако кратковременность чеканки Москоном своих монет свидетельствует о его недолгом возвышении. Если верить источникам, то Дромихет Младший и Зальмодегик фактически являлись самостоятельными правителями. Первый пошел на союз с Селевкидами, а второй заключил соглашение с Истрией, на которую ранее совершал грабительские походы. Несмотря на это, греки, жившие в низовьях Дуная, вынуждены были постоянно отбиваться от вторжений в их владения местных гето-фракийских династов, правивших в Валахии и в долине Арджеш⁵. Это означает, что и государство Москона не отличалось прочностью.

Попытки поставить под контроль часть подвластной греческим полисам территории, присвоение доходов, предназначавшихся их гражданам, примирение с Истрией и дружба с Селевкидами говорят о том, что, в отличие от правления Дромихета Старшего, гето-фракийская знать стала теперь могущественнее и влиятельнее. Однако обогащение отдельных ее представителей не способствовало укреплению государственности у северофракийских племен. Наоборот, это еще больше ослабляло власть вождя племенных союзов или «царя», как теперь его называли. Различные гетские племенные вожди и династы в целях собственного обогащения отныне сами пытались воспользоваться доходами с подвластных грекам земель. Быстрое примирение с истрийцами Зальмодегика, как и облачение по приказу Антиоха II Теоса гетской аристократии и Дромихета Младшего в роскошное эллинское вооружение при штурме Кипсел, можно считать показателями начала процесса эллинизации и приобщения местной варварской знати ко всему эллинскому, что затем восприняла и часть остального населения. Мирные отношения с истрийцами в какой-то момент казались Зальмодегику и его окружению выгоднее, нежели простые опустошительные набеги на город и его владения.

Об эллинизации гетской аристократии свидетельствует погребальный комплекс Свештари в северо-восточной Болгарии, где наряду с поселением открыто подкурганное захоронение гетского царя второй четверти-середины III в. до н.э. Особый интерес вызывает центральная погребальная камера, интерьер которой украшен дорийским ордером с четырьмя дорийскими и одной коринфской полуколоннами, архитравом и фризом с метопами и триглифами. В декор камеры удачно вписана скульптурная группа из десяти женских фигур – кариатид, концы хитонов которых изображены в виде растительных

⁵ Д. Пиппиди [1984, р. 180] указывает, что это было связано со стремлением гетов поставить под контроль греческие города, как это пытались сделать скифы на северном побережье Понта [Pippidi, 1962, s. 53].

мотивов – завитков листьев аканфа. Под сводом гробницы на лонете северо-западной стены сохранилась декоративная роспись, на которой представлена стоящая Великая богиня, покровительница плодородия и всего сущего, в сопровождении процессии прислужниц, которая украшает лавровым венком сидящего на коне всадника. За ним идут оруженосцы с различными дарами. Сцена отражает представление о героизации и обожествлении умершего царя в образе всадника, отождествляемого с популярным у фракоязычного населения богом Херосом или Фракийским героем-всадником. Композиция отражала идею бессмертия умершего властителя. О царском достоинстве и обожествлении всадника свидетельствует не только лавровый венок в руках у Великой богини, но, главным образом, рог за ухом властителя-всадника, являющийся символом царской власти – рогом Амона. Это роднит погребенного с македонской династией Александра Великого, выступавшего в образе бога Амона-Зевса, либо с Посейдоном, одним из покровителей македонской и фракийской царских династий, так как это был символ его священного быка. Облик погребального склепа, греческие буквы-метки каменотесов на блоках, сцена обожествления умершего царя говорят о сильном влиянии традиций и принципов греко-эллинистического искусства при выборе декора гробницы [Чичикова, Иванов, Енев, Кръстев, 1986; Чичикова, 1988, с. 125 *suiv.*; Димитров, 1988, с. 161-165; Теофилов, 1988, с. 144-160]. Весьма вероятно, что в ее сооружении принимали участие греческие мастера, которые прибыли из Македонии или из прибрежных городов. А это показывает, что в III в. до н.э. гетские властители были уже достаточно эллинизованы и, следуя местным традициям и прямому греческому влиянию, старались внушить своим подданным уважение к царской власти и, быть может, даже продемонстрировать ее богоподобность и богоизбранность путем веры в бессмертие [Гергова, 1996, с. 116,117]. Комплекс в Свештари являлся центром одного из гетских территориально-племенных образований, подвластных местному династу. К сожалению, определить, кто был похоронен в подкурганном склепе, не представляется возможным, но в качестве гипотезы можно предположить, что это был один из потомков Дромихета, породненного, как известно, с Лисимахом, сподвижником Александра Македонского. На основании сведений, которые дает этот комплекс, как и на примере монет царя Москона, можно констатировать определенный уровень эллинизации гетской верхушки. Но на их основе невозможно отстаивать идею о формировании у гетов эллинистического государства с сильной царской властью и административно-бюрократическим аппаратом, как нельзя говорить и о царском землевладении. Гетская племенная община, развивавшаяся в сельскую индивидуальную общину, выступала главной социальной ячейкой общества. У гетов не сложилось прочного единого царства, так как отдельные гетские племена пока еще переходили в своем развитии этап создания раннеклассового государства. У них были очень сильные пережитки племенного деления, что выражалось в практи-

чески полной самостоятельности племенных вождей, только номинально признававших верховенство более сильного правителя.

Таким образом после распада гетского союза племен, сложившегося при Дромихете Старшем, северофракийские племена представляли собой несколько полусамостоятельных племенных образований, временами, да и то формально, подчинявшихся единому властителю. Каждое из них имело своего правителя, причем, как показывает пример с Зальмодегиком, некоторые вожди сохраняли мирные, но чаще всего враждебные отношения с греческими городами. Гетская аристократия, составлявшая свиту племенных вождей, только начала частично приобщаться к эллинской культуре и традициям.

На рубеже III-II вв. до н.э. в дельте Дуная, вблизи Истрии и Бидзоны, находились владения другого гетского правителя Золта (или Золтеса). Об этом сохранились известия в декрете из Истрии в честь Агафокла, сына Антифила [ISM. 15 = SEG. XXIV. 1095 = Pippidi, 1967, p. 186-221]. Согласно этому документу, знатный истрийский гражданин Агафокл неоднократно приходил на помощь родному городу в тяжелые времена. Когда граждане были охвачены междоусобной борьбой и фракийцы, т.е. геты, в немалом числе вторгались в пределы хоры и самого города, а граждане были поставлены в тяжелейшие условия из-за невозможности доставлять в город плоды урожая из ближайших окрестностей, Агафокл, выбранный токсархом, взяв наемное войско, очистил хору от неприятеля, обеспечив гражданам условия доставлять в город урожай без помех. Когда же геты во главе с Золтом и значительным войском вступили в Скифию и на земли эллинских полисов, подвластных царю Ремаксу, Агафокл был назначен (букв. избран) послом. Отправившись через неприятельскую страну, пройдя многие племена и избежав опасности, он склонил варваров не только не осаждать Истрию, но и вернуть гражданам захваченную ранее в результате набегов добычу. Далее в декрете говорится, что фракийцы – геты опять вторглись на хору Истрии, осадили Бидзону, опустошали окрестности, лишив истрийцев подвоза урожая с ближних полей. Тогда Агафокл снова был выбран послом и отправился за пределы отечества в лагерь врага, так как граждане дали ему поручение выкупить хору и урожай. Агафокл склонил Золта и фракийцев (гетов) за 600 золотых монет не нападать на хору и не приближаться к городу, в результате чего граждане Истрии стали владельцами всего урожая на хоре своего города. Снова став послом во Фракию и к властителю гетов-фракийцев Золту, который нарушил клятвенно подтвержденное соглашение и договор с Истрией, и предвидя возобновление новых набегов на хору города, Агафокл доказал Золту безуспешность этих замыслов, а вернувшись в отечество, публично рассказал об этом согражданам. Когда геты опять нарушили клятвы и соглашения и стали непрерывно совершать нападения, Агафокл, назначенный Народным собранием стратегом хоры Истрии с чрезвычайными полномочиями, взял войско из граждан-добровольцев и бежавших в город варваров, прочно удерживал хору,

имуущество и урожай до переправы царя Ремакса. Когда же царь переправился на противоположный берег реки, не оставив караул по причине страха, но отправив послов и потребовав дани, а страна, т.е. Истрия и хора, была в состоянии войны, Агафокл, опять ставший послом, отправился к нему на корабле и упросил его выделить в качестве передового отряда сотню всадников. Когда же фракийцы (геты), которых было намного больше, чем воинов в передовом отряде, снова совершили нападение и отогнали воинство Ремакса на противоположный берег, а страна (Истрия и хора) осталась без защиты, то Агафокл был в очередной раз отправлен послом, теперь уже к сыну царя – Фрадмону, и убедил его дать 600 конных воинов для передового отряда, которые начали успешные действия против фракийцев Золта... На этом надпись, к сожалению, обрывается.

Исследователи этого важного исторического источника обращали основное внимание на то, кого представляли упоминаемые в нем правители. Они единодушны в том, что Золт – гетский властитель на территории, которая соседствовала с хорой Истрии и другими греческими полисами Малой Скифии [Russu 1967, p. 123-144; Pippidi, 1962, s. 45-51; Pippidi, 1961, p. 53-66; Йорданов, 1984, С. 119]. Что до царя Ремакса и его сына Фрадмона, то здесь мнения разделились: одни ученые полагали, что Ремакс был царем скифов в Добрудже [Rostovtzev, 1927, s. 493; Russu, 1967, p. 123-143], другие считали его, как и Золта, гетским правителем [Preda, 1973, p. 457]⁶, а третьи – предводителем одного из кельтских племен левобережья Дуная, в частности, бритолагов [Карышковский, 1971, с. 41 сл.], появившихся на рубеже III-II вв. до н.э. в Западном Причерноморье. Если обратиться к тексту декрета, то вопрос об этнической атрибуции царей проясняется: вначале геты, о предводителе которых ничего не говорится, напали на сельскую округу Истрии с целью грабежа, но истрийцы сумели отбиться. Затем геты уже во главе с Золтом совершили более значительную агрессию. Они вступили в Малую Скифию и захватили хору нескольких греческих городов, подвластных царю Ремаксу, в результате чего Агафокл в качестве посла отправился к Золту «через неприятельскую страну» и «прошел через земли местных племен», сумев договориться с Золтом о возврате захваченной ранее в ходе набегов добычи. Из декрета следует, что именно геты совершили набеги на хору Истрии и увезли к себе всю добычу, а Малая Скифия вместе с находившимися там греческими городами не подчинялась Золту, поскольку также стала объектом его нападения. Малая Скифия и города, согласно декрету, «были подвластны» царю Ремаксу, из чего со всей очевидностью следует, что Золт и Ремакс были если

⁶ И. Кришан [1978, p. 67] полагал, что Ремакс и Фрадмон – скифские правители гетского объединения к северу от Дуная в Южной Молдавии. Подробно обо всех точках зрения в румынской историографии на происхождение варварских правителей, упоминаемых в декрете в честь Агафокла см. [Ruscu, 2002, p. 293].

не врагами, то во всяком случае соперниками за господство в устье Дуная. В надписи четко различаются понятия «Скифия» (ἡ Σκυθία), где правили Ремакс и Фрадмон, и «Фракия» (ἡ Φραϊκή), где властвовал Золт и откуда им совершались набеги на хору Истрии, а также в Скифию и на хору греческих городов, расположенных по-соседству с царством Ремакса и Фрадмона. Ведь взаимоотношения скифов Добруджи и находившихся там греческих городов Томи, Каллатиса и Одесса на протяжении второй половины III – второй половины II в. до н.э. были хорошими. В этих городах чеканились монеты скифских царей, издавались декреты в честь послов греческих государств к скифским царям [Блаватская, 1948, с. 209-211; Тарасюк, 1956, с. 22-30; Андрух, 1990, с. 83-89; Андрух, 1995, с. 102 сл.]⁷. Истриец Агафокл отправлялся послом во Фракию (Гетику) договариваться с Золтом, следовательно на рубеже III – II вв. до н.э. геты стремились завладеть сельскохозяйственной территорией Истрии, чтобы взимать дань в виде аграрной продукции, поступавшей в этот полис. Истрийцы выплачивали часть дани скифам в лице Ремакса, что показывает определенную гегемонию Скифского царства в Добрудже, в том числе в устье Дуная. При этом отношения города и скифского царя были отнюдь не плохими, очевидно, аналогичными тем, которые установились ранее между скифами и другими греческими городами Левопонтийского побережья. Они строились на основе протектората, когда полисные общины сохраняли права автономии, владели аграрной округой, но должны были периодически выплачивать дань в виде сельскохозяйственной продукции, взимаемой с оседлого гетского населения на хоре. Захват гетами Золта хоры Истрии вынудил истрийцев прекратить выплату дани скифам, что заставило Ремакса и его сына Фрадмона вступить в войну с гетами. Таким образом отношения греков и гетов регулировались соглашениями, по которым сельская территория Истрии юридически подчинялась полисному коллективу, хотя геты всякий раз старались их нарушать и отторгнуть от города его аграрные владения.

Обращает на себя внимание, что Агафокл, совершая первое посольство к Золту во Фракию, прошел через неприятельскую страну, миновал много враждебных племен и избежал множество опасностей. Это означает, что под властью Золта находилось несколько гетских племен, которые были настроены к грекам достаточно враждебно. В то же время во время нападения Золта на хору Истрии под защиту стен города бежало много варваров, пополнивших городское ополчение. А это вкупе с тем, что посольство Агафокла к царю Ремаксу «на корабле», т.е. по реке или по морю (последнее более вероятно), минуя враждебных гетов, завершилось привлечением Ремакса и Фрадмона на сторону истрийцев, показывает, что Золт и Ремакс были властителями

⁷ С.И. Андрух [1995, с.102 сл.; 1990, с. 83-89] считает, что греческие полисы находились под протекторатом Ремакса.

совершенно разных этно-политических образований. Первый из них был правителем гетов, а второй, как и его сын, – скифов, причем Ремаксу и Фрадмону подчинялась часть оседлых гетов, обитавших южнее анклава Золта. Чтобы добраться до его владений и до истрийской хоры, воинам Ремакса пришлось переправиться через Дунай. «Варвары», бежавшие от гетов Золта в Истрию, это оседлые геты и скифы, которые жили на хоре полиса и выплачивали ему форос как полузависимые земледельцы.

Из варварских правителей, упоминаемых в декрете, только Ремакс имеет титул царя, а Золт назван архонтом (ἄρχων). Если вспомнить, что и его предшественник Зальмодегик, который также добивался перераспределения доходов с хоры Истрии в свою пользу, не имел царского титула, то вполне резонно считать Золта непосредственным преемником Зальмодегика [Карышковский, 1971, с. 41; Йорданов, 1984, с. 119]. А это может означать, что Золт и его домен номинально подчинялись более крупному властителю, каковым ранее являлся Дромихет Старший, а позднее Москон. Не исключено, что этно-племенное объединение Золта номинально находилось под властью скифо-гетских царей, возможно, самого Ремакса, которому геты Нижнего Подунавья должны были выплачивать дань. Но когда Золт сам попытался завладеть всеми доходами с аграрной территории истрийцев в полном объеме, то Ремакс тотчас вступил в конфликт с Золтом на стороне Истрии. Следовательно, на рубеже III-II вв. до н.э. гетские племенные союзы по-прежнему оставались раздробленными, так как у них не было власти единого царя. У скифов же государство было более централизованным и политически организованным⁸, к тому же их царям подчинялись оседлые гетские племена в Малой Скифии и греческие полисы, платившие им дань и имевшие право в случае опасности со стороны гетов обращаться к ним за помощью.

Во II-I вв. до н.э. в Гетике по-прежнему существовало несколько мелких правителей. Среди них известен некий ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΘΙΑΜΑΡΚΟΣ, о котором сообщает только надпись на сосуде из Окницы (департамент Вильчеа) на северо-востоке Олтении [Russu, 1977, s. 33-40]. Сохранились также свидетельства о царе Ороле (или Олоре), неудачно в середине II в. до н.э. воевавшем с бастарнами, населявшими территорию к северу от дельты Дуная [Justin XXXII. 3. 16]. Некоторые исследователи видят в нем правителя даков начала II в. до н.э. в Восточной Трансильвании, который властвовал и над гетами к северу от Нижнего Дуная [Daicovicu, 1938, p. 21; cf. Орачев, 1993, с.203]⁹, хотя В. Илиеску [1972, p. 377-381] выдвинул ряд аргументов в пользу отождествления его

⁸ Об этом свидетельствуют посольство к скифскому царю Каниту, возглавляемое антиохийцем Гермием, сыном Асклепиодора [SIG. II. 2056 = IGB II, 41 = Граков, 1940, с. 251, № 17), и служба, которую выполнял македонянин из города Стибера Антигон, сын Гераклита, при дворе скифского царя Сариака [Лазаров, 1985, с. 47-49].

⁹ А. Орачев полагает, что это гетский властитель второй половины II в. до н.э.

с гето-дакийским правителем Ролесом, римским союзником во время военной кампании М. Лициния Красса в 29-28 гг. до н.э. против бастарнов, мезов и гетов [Dio Cass. LI. 24. 6-7]¹⁰. Одновременно с ним в другой части Северной Добруджи гетами правил его соперник Дапикс [Dio Cass. LI. 26. 1-3]. Однако Орол и Ролес все же разные правители в различные эпохи истории гетов. Хотя конфликт Орола с бастарнами традиционно относят к концу III в. до н.э., тем не менее ни он, ни бастарны не упоминаются в надписях Истрии, где подробно рассказывается о взаимоотношениях с окружающими варварами [Pippidi, Berciu, 1965, p. 231, 232; Йорданов, 1984, с. 120]. Очевидно, столкновения гетов с бастарнами при Ороле происходили не ранее 200 г. до н.э. и уже позднее тех событий, о которых говорится в истрийском декрете в честь Агафокла [Vulpe, 1955, p. 7-8]. Они могли иметь место в годы, когда бастарны прочно освоили земли по побережью между Дунаем и Нистру, включая дельту, где они поселились на острове Певка, получив название певкинов [Strabo VII. 3. 15; 17]. Под давлением кельтских племен бастарнов и бритологов скифы утратили владения на левом берегу Дуная и переместились на юг в Добруджу, укрепившись в окрестностях греческих городов, в частности, Томи [Ps. Scymn. 750, 756-757].

Из рассказа Помпея Трога об Ороле можно почерпнуть сведения о состоянии гетского общества в эпоху позднего эллинизма. В наказание за поражение от бастарнов Орол заставил подданных, когда те ложились спать, класть голову на то место, куда обычно кладут ноги, и прислуживать своим женам так, как до того им прислуживали их жены. И эти порядки продержались долго, вплоть до того момента, когда даки смыли с себя бесчестье доблестью на войне [см. Justin XXXII. 3. 16]. Несмотря на некоторый морализаторский оттенок, свойственный греко-римским авторам при описании обычаев варваров в эпоху позднего эллинизма и ранней Римской империи, фрагмент сочинения Помпея Трога интересен тем, что показывает определенное усиление царской власти у гетов даже по сравнению с правлением Дромихета. Орол не только исполнял функции военного вождя – предводителя племенного войска гетов (даков), но имел властные полномочия после войны, хотя она закончилась для гето-даков плачевно. Оролу подчинялось все население подвластной территории и признавало его повелителем-царем. Неизвестно, имел ли Орол титул царя, или это только пояснение источника Помпея Трога, не сумевшего отличить настоящего царя от племенного вождя. Но тот факт, что власть Орола была почти неограниченной, вряд ли подлежит сомнению. Мы не знаем, правил ли упомянутый выше царь Тиамарк до Орола или получил власть после его смерти, но наличие у него полноправного царского титула говорит о возросшей прочности власти гето-дакийских племенных правителей II в. до н.э. Расширение их властных функций произошло скорее всего под влиянием

¹⁰ Подробнее о Ролесе [Йорданов, 1993, с. 238].

внешней опасности, исходившей от бастарнов, бритологов, а также македонских царей Антигона Досона и Филиппа V, так как они заигрывали с бастарнами и пытались укрепиться во Фракии. Не меньшую угрозу представляли скифы и сарматы, усилившие натиск на племена, обитавшие между Днестром и Дунаем. Эллинизация гетского общества вряд ли играла при этом важную роль, поскольку сводилась исключительно к поверхностному восприятию греческой культуры, например, греческого языка и алфавита. Это по-прежнему было пока лишь уделом верхушки гетских племен, а рядовые общинники практически не испытали на себе воздействия греческой культуры [Stefan, 1982, p. 86]. Чеканка гетами подражаний греко-македонским монетам указывает на то, что одним из главных каналов распространения эллинского влияния была торговля, но она охватывала очень узкую группу лиц. Эллинизация гетов в какой-то степени осуществлялась через города побережья, в частности, Истрию и Томи, но постоянные вторжения других племен, а также враждебность самих гетов к истрийцам и томитам затрудняли проникновение греческого влияния [Danov, 1960, p. 78, 79; Danov, 1979, s. 107].

До нас дошли сведения еще об одном гетском властителе Рубобостене или Рубобостесе, хотя вполне возможно, что это искажение в источниках имени Буробостен [Trog. Prol. 32]. Его считают самостоятельным гето-дакийским правителем в Трансильвании или на Валашской равнине во II в. до н.э. [Daicoviciu, 1955, p. 50, 51; Vulpe, 1976, p. 52], хотя В. Илиеску [1968, p. 115-122; cf. Йорданов, 1984, с. 120] видит в этом имени искажение царского имени «Бурбиста», что не лишено оснований.

Как обстояло дело с государственностью у гетов в конце II – начале I в. до н.э., мы осведомлены очень плохо. В годы Первой митридатовой войны, когда войска понтийского царя Митридата Евпатора сражались в Греции, к ним на помощь прибыло войско под командованием Дромихета [App. Mithr. 32. 1; 41. 1]. Об этом военачальнике ничего неизвестно, но, судя по имени, это был гет царского рода наследников Дромихета эпохи борьбы с Лисимахом. Его могли пригласить на службу как наемника в числе многих фракийских солдат, которые находились в войсках понтийского царя. Отряд Дромихета действовал исключительно в Элладе, когда Митридат предпринял наступление на нее через Южную Фракию и Македонию. Для успеха этого предприятия Митридат должен был заручиться поддержкой населения северобалканских областей, поэтому Дромихет мог быть одним из гетских царей или вождей, поддержавших Митридата Евпатора. Ведь фракийские племена, за исключением одрисов, служили у него в основном ради добычи и военных трофеев. И. Тодоров полагает, что Дромихет сражался в войсках понтийского монарха как легитимный властитель, который до Бурбисты начал консолидацию раздробленных гето-фракийских племен [Тодоров, 1989, с. 25-28]. Это предположение кажется нам очень смелым. Но переход гетов к союзу с Понтом мог быть обусловлен поддержкой, оказанной Митридату Евпатору

южнофракийскими племенами. К тому же Митридат выступал как защитник греческих городов Левобережного Понта [Pippidi, 1960, p. 46], что ставило заслон против новых нападений гетов на их хору и делало их естественными союзниками царя Понтийского государства. Но утверждать о формировании единой государственности у гетов под властью Митридата было бы преждевременно. Во-первых, геты не подчинялись напрямую понтийскому царю, а являлись его союзниками, во-вторых, влияние Митридата на севере Балкан и в Подунавье было кратковременным, его интересы распространялись на южные и юго-восточные регионы Фракии, так как они служили плацдармом для захвата Греции. В-третьих, переход Дромихета и гетов на сторону Митридата мог быть вызван тем, что накануне Первой войны с римлянами понтийские стратеги разбили бастарнов, извечных соперников гетов в Северо-Западном Причерноморье. Могла сыграть свою роль и позиция одрисов, которые поддержали римлян, а геты, подвластные династам из рода Дромихета, всегда учитывали роль одрисов, с которыми ранее состояли в союзе. И, наконец, свидетельство известной надписи – декрета в честь Акорниона из Дионисополя эпохи Бурбисты: из его начальных поврежденных строчек следует, что Акорнион совершал посздки к отцу Бурбисты (по другой версии – к неизвестному ближе гетскому царю и его сыну, которого не отождествляют с Дромихетом, упоминаемым у Аппиана) [Блаватская, 1952, с. 174]. Следовательно, во второй половине II – начале I в. до н.э. у гето-дакийских племен по-прежнему существовало несколько полусамостоятельных племенных объединений под руководством разных правителей, в числе которых были Дромихет, а также некие гетский царь и его сын, подразумеваемые в декрете в честь Акорниона. До Бурбисты у гетов было четыре племенных объединения, политически и экономически взаимосвязанных, но все же не составлявших единства, что подтверждается монетами 150-70 гг. до н.э. четырех разных типов [Preda, 1973, p. 457]. Это означает, что процесс консолидации государственности у гетов к этому времени еще не набрал полную силу и до Бурбисты о централизованном государстве у них вряд ли уместно говорить вообще. Ведь и среди южнофракийских племен не было единства по вопросу об отношении к Митридату Евпатору, хотя большая их часть стала его союзниками, так что и у гетов могли быть разногласия, как следует относиться к понтийскому царю. А это не способствовало консолидации племен в единое государство.

Развитие гетского государства пошло несколько быстрее в конце второй четверти-середине I в. до н.э., когда дунайский регион оказался под властью Бурбисты, одного из выдающихся деятелей эпохи позднего эллинизма. К этому времени гетская знать наладила более прочные торговые отношения с греческими полисами, в частности, с Истрией, о чем говорят клады дорогих вещей первой половины I в. до н.э., преимущественно украшений, которые нередко находят в Трансильвании [Popescu, 1958, p.183]. Это усиливало социальное и имущественное расслоение в гето-дакийской среде, что вело

к разорению племенных общин и содействовало преодолению раздробленности. А сама зная, почувствовав вкус к обогащению, стремилась к захватам новой добычи. Когда к власти пришел Бурбиста, геты стали часто переходить Дунай и вторгаться во Фракию и Иллирию. Поначалу Бурбиста укреплял свое положение среди туземных племен, стремясь преодолеть традиционную раздробленность. Начав деятельность как вождь одного из племен по среднему течению Муреша, он объединил вокруг себя все окрестные гетские племена. Затем подчинил скордисков, в 60-х годах до н.э. разбил боев и теврисков, сбив постоянно довлевшую над гетами и даками кельтскую опасность. Возвышение Бурбисты объяснялось также его активной антиримской позицией, поскольку состоявшиеся незадолго до его прихода к власти походы в Западное Причерноморье под командованием М. Варрона Лукулла показали стремление римлян утвердиться на севере Балкан. Это вызвало опасения у гетской племенной верхушки и возвышало Бурбисту в глазах соплеменников-гетов и родственных им южнофракийских племен. Геты и фракийцы обратили свои взоры к греческим городам, в результате усилилось проникновение греческого влияния в гетскую среду, началось активное возведение крепостей и резиденций, в том числе такой крупной цитадели как Аргедава (Попешти), ставшей одной из столиц его царства. Другой резиденцией Бурбисты была Сармизегетуза (Градиштя-Мончелулуй), впоследствии укрепленная столица даков Децебала. Появление таких укреплений неслучайно – они возникли в районах проникновения эллинской цивилизации и были построены по канонам возведения эллинистических укрепленных поселений [Макря, 1958, С. 143-155; Vulpe, 1960, р. 557-566]. Успех завоевательной политики Бурбисты во Фракии отчасти объяснялся тем, что после карательных походов римлян в 70-х годах до н.э. против поддерживавших Митридата Евпатора фракийцев, их военный потенциал существенно снизился.

В упоминавшемся уже декрете в честь Акорниона Бурбиста назван $\pi\rho\omega\tau\acute{o}\varsigma$ $\kappa\alpha\iota$ $\mu\acute{\epsilon}\gamma\iota\sigma\tau\acute{o}\varsigma$ ($\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\varsigma$) $\tau\acute{\omega}\nu$ $\epsilon\pi\grave{\iota}$ $\Theta\rho\acute{\alpha}\kappa\eta\varsigma$ $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\acute{\epsilon}\omega\nu$, что нередко понимают как указание на эллинистическую по характеру сущность государства Бурбисты [Suceveanu, 1978, р. 107-114; Stefan, 1982, р. 86; подробно обо всех точках зрения Ruscu, 2002, р. 302-304]. Но это заблуждение – государство Бурбисты не перешагнуло стадию племенного союза, причем его власть даже была слабее, чем у Дромихета Старшего. А его титул всего лишь был подражанием моде того времени, когда даже греческие тираны в городах стремились назвать себя царями, не говоря уж о племенных вождях, испытавших определенное влияние эллинистических традиций. Тем более таких, как Бурбиста, который объединил племена вокруг своего имени и стремился предстать перед греками и римлянами «Величайшим из всех царей фракийцев», «первым» и т.п. Это, кстати, отметил и И. Кришан, который не считал гетское царство Бурбисты эллинистическим государством в полном смысле этого слова, ссылаясь на сообщения Страбона и других античных авторов, называвших власть

этого правителя как ἀρχή [Strabo VII. 3. 5; 11; 12; App. BC. II. 110; Lucan. Pharsalia. II. 295-297; Dio Chrys. Or. 36. 4-6; Jord. Get. 67; ср. Crisan, 1978, p. 40]. Кратковременность правления Буребисты (всего ок. 20 лет), полное разграбление греческих городов или открытая к ним враждебность, за исключением Дионисополя, опустошение их хоры, как это делали его предшественники, захват заложников, исход граждан из городов из опасения быть под властью гетов или тщательные приготовления к отпору их агрессии [IGB I². 46, 323; ISM I. 54] свидетельствуют против «эллинизма» Буребисты, демонстрируя его нежелание включать греческие полисы в свою державу даже для получения собственных доходов. Это подтверждает исторически традиционное неумение гетов использовать экономический и культурный потенциал городов для укрепления царской власти и создания административных институтов государства по примеру эллинистических монархий. Буребиста был открытым противником римлян, за исключением Помпея, но даже с ним поддерживал отношения исключительно через своего друга Акорниона из Дионисополя [Sylli., 762 = IGB. I². 13].

Титул царя и институт «друзей», унаследованный Буребистой от предшественников, не являются доказательством греко-македонской и тем более восточной эллинистической традиции, которая была воспринята гетами для укрепления государства. Буребисту по-прежнему почитали как верховного правителя-вождя различных племен, включенных в конфедерацию исключительно ради агрессии, захватов добычи и новых земель. Непрочность власти Буребисты, племенной характер его «державы», доказываются тем, что после его смерти в 44 г. до н.э. союз предводительствуемых им племен сразу распался. Поэтому правление Буребисты не способствовало консолидации гетов в прочное единое царство, так как при нем был создан традиционный для них временный союз племен перед лицом кельтской опасности и римлян. А когда эта опасность снизилась, то «государство Буребисты» поставило перед собой цель выживать исключительно благодаря захватам добычи, разбою и разрушениям греческих городов.

После смерти Буребисты союз возглавляемых им племен распался на четыре или пять самостоятельных частей, в которых римское и эллинское влияние было сведено к минимуму. Это заставило Рим усилить свой вклад в процесс укрепления гетской государственности, ибо перед ним стояла задача создать систему сильных «буферных» царств по предотвращению варварской угрозы с севера. Но римляне, понимая невозможность консолидировать гетов в единое государство, а, может быть, чувствуя опасность такого объединения для себя и для союзных им греков, позволили всего лишь включить некоторые гетские земли в Нижнем Подунавье в состав фракийского вассального царства сапеев [Сапрыкин, 1995, p.415-425]. Они установили династические связи с Котизоном, одним из преемников Буребисты, вошли в союз с Ролесом против бастарнов (см. выше), хотя другие гетские вожди не выказывали особой дружбы

к римлянам. Среди таких гетских царей или, скорее, вождей были Дапикс и Цирак, причем последний даже успешно вел военные действия против римских войск [Dio Cass. LI. 24-26. 5; cf. Тодоров, 1988, р. 93]. Чувствуя объективную невозможность создать в Гетике единое и прочное вассальное царство на страже их интересов, в отличие от Южной Фракии, поскольку геты не поддавались сильному воздействию эллинской культуры и влияния, не говоря уж о романизации, римляне начали разрабатывать тактику прямого завоевания гето-дакийских земель, которую в конце концов воплотили в жизнь на рубеже I-II вв. н.э.

Таким образом на протяжении эллинистического периода и в раннеимператорскую эпоху гетские племена так и не сумели создать у себя прочное государственное образование. Все попытки его строительства не выходили за рамки формирования временных и крайне непрочных объединений племен, жизнеспособных только в условиях ведения агрессии или отпора внешнего противника. У гетов постоянно сохранялась племенная раздробленность, хотя некоторая децентрализация власти в первой половине-середине II в. до н.э. несколько приостановилась вследствие передвижений племен в Подунавье и Добрудже. Племенной сепаратизм в гетском обществе, усилившийся после смерти Дромихета, замедлял процесс эллинизации. Поэтому греческое влияние оставалось поверхностным и коснулось исключительно знати, да и то лишь отдельных ее представителей. Сильная власть скифских царей в Добрудже в III-I вв. до н.э., в свою очередь, препятствовала приобщению гетов к греческой культуре. Ведь дань с оседлых гетских общин и греческих полисов поступала, главным образом, к скифской знати, а гетская племенная аристократия довольствовалась ее остатками. Как следствие, геты не смогли наладить прочные связи с греческими полисами, ограничиваясь набегами на их территорию с целью грабежа и требования дани. Поскольку они не сумели установить протекторат над греческими полисами, то взаимоотношения их вождей с греками сводились исключительно к заключению договоров, по которым устанавливались границы между их владениями и округой греческих полисов. Однако частые нарушения этих соглашений со стороны гетов ставили барьер прочным политическим и культурным связям. Раздробленность племен, складывание временных племенных союзов, наличие различных самостоятельных и полусамостоятельных властителей приводили исключительно к обогащению узкого круга знатных семей, а не к созданию институтов эллинистической государственности и включению греческих городов в административно-территориальные структуры. У гетов, в отличие от южных фракийцев, не сложились предпосылки для формирования царской земельной собственности, на базе которой мог бы быть организован административно-государственный аппарат, обслуживавший единоличную власть царя, как это происходило в государствах эллинистического типа. Даже при Бурбисте у гетов преобладали родоплеменные отношения. Римляне, укрепившись на Балканах,

сумели помочь фракийцам преодолеть племенную раздробленность только к югу от Дуная, а к северу от него даже их влияния было недостаточно, чтобы наладить работу государственных институтов северофракийских племен в нужном для них направлении. Поэтому формирование царств эллинистического типа в этой части Причерноморья было невозможно.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонов Т.В., Бондарь Л.Д., Владимирская О.Ю., Егоров А.Б., Косищева И.В., Холод М.М.* Комментарии // Полиен. Стратегемы. – СПб., 2002.
- Андрух С.И.* Нижнедунайская Скифия в VI – начале I в. до н.э. – Запорожье, 1995.
- Андрух С.И.* К вопросу о датировке монет скифского царя Акросака // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. – Кишинев, 1990.
- Блаватская Т.В.* Греки и скифы в Западном Причерноморье // ВДИ. – 1948. – № 1.
- Блаватская Т.В.* Западнопонтийские города VII-I вв. до н.э. – М., 1952.
- Гергова Д.* Обредът на обезсмъртяването в Древна Тракия. – София, 1996.
- Граков Б.Н.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. – 1940. – № 3.
- Делев П.* Тракийското царство на Лизимах: някои териториални проблеми // Балкански древности. – 1992. – № 2.
- Димитров К.* Изображение на тракийски владетел от Свещарската гробница // Acta TAB. – 1988. – Т. III.
- Златковская Т.Д.* Мезия в I-II веках нашей эры. – М., 1951.
- Йорданов К.* История на Добруджа. Т. 1. – София, 1984.
- Йорданов К.* Гетите и Лизимах // Acta TAB. – 1990. – Т. IV.
- Йорданов К.* Ролес // Тракийска древност. Кратка енциклопедия. – София, 1993.
- Калоянов С.* Проблеми на тракийския урбанизм в гетските земи // Acta TAB. – 1988. – Т. III.
- Карышковский П.О.* Истрия и ее соседи на рубеже III-II вв. до н.э. // ВДИ. – 1971. – № 2.
- Лазаров М.* Новооткрытая надпись Антигона за скифского царя Сариака // ВДИ. – 1985. – № 3.
- Макря М.* Бурбиста и кельты на среднем Дунае // Dacia. – 1958. – Т. II. n.s.
- Орачев А.* Олор // Тракийска древност. Кратка енциклопедия. – София, 1993.
- Сапрыкин С.Ю.* Надпись фракийского царя из Тиры // Studia in honorem Georgii Michailov. – Sofia, 1995.
- Сапрыкин С.Ю.* Фракия как эллинистическое государство // MNHMA. – Казань, 2002.
- Тарасюк А.И.* Имена царей Малой Скифии на монетах из Добруджи // КСИИМК. – 1956. – Вып. 63.
- Тачева М.* История на българските земи в древността. – София, 1987.
- Теофилов Т.* Анализ на стиловите особености в архитектурата на тракийската гробница край с. Свещари // Acta TAB. – 1988. – Т. III.
- Тодоров И.* Допълнение към Страбон VII. 3. 11 // Acta TAB. – 1988. – Т. III.
- Тодоров И.* Дромихет – един малко известен гетски владетел от началото на I в. пр. н.э. // Acta TAB. – 1989. – Т. IV.
- Шофман А.С.* Распад империи Александра Македонского. – Казань, 1984.
- Чичикова М., Иванов Т., Енев М., Кръстев К.* Тракийската гробница от Свещари. – София, 1986.
- Чичикова М.* Свещарската гробница – архитектура и декорация // Acta TAB. – 1988. Т. III.
- Юрукова Й.* Политическата обстановка в Югоизточна Тракия около средата на III в. пр. н.э. (по нумизматични данни) // Археология. – 1982. – № 2. – Год 24.
- Alexandrescu P.* Une nouvelle synthèse de l'histoire des villes grecques de la Dobroudja à l'époque préromaine // Revue roumaine d'histoire. – 1968. – VII, 2.

- Bosworth A.B., Wheatley P.V.* The Origin of the Pontic House // JHS. – 1998. – Vol. 118.
- Crișan J.* Burebista and His Time. – Bucuresti, 1978.
- Danov Ch.* Thracian Penetration into the Greek Cities on the West Coast of the Black Sea // Klio. – 1960. – Bd 38.
- Danov Ch.* Die Thraker auf dem Ostbalkan von der hellenistischen Zeit bis zur Gründung Konstantinopels // ANRW. – Bd 1979. – II, 1.
- Daicovicu C.* La Transylvanie dans l'antiquité. – Bucarest, 1938.
- Daicovicu C.* // SCIV. 1955. 1-2.
- Dimitrov D.P., Čičikova M.* The Thracian City of Seuthopolis. BAR Suppl. Ser. 38. – Oxford, 1978.
- Donoiu J.* Monede daco-getice si efigii Romane. – Bucuresti, 1980.
- Iliescu V.* Rubobostes oder Burobostes. Zu Trog. Pomp. Prol. XXXII // SC. – 1968. – T. 10.
- Iliescu V.* Cind a trait regele Oroles (Just. XXXII. 16) // Archeologia Moldovei. – 1972. – No. 7. *Iliescu V.* Alexander der Grosse und Dromichaïtes // Studia in honorem Borisi Gerov. – Sofia, 1990.
- Landucci Gattinoni F. L.* Lisimacho di Tracia. – Milano, 1992.
- Pippidi D.M.* Sur les relations politiques des cites grecques de la côte occidentale de l'Euxin à l'époque hellénistique // Nouvelles études d'histoire. – Bucarest, 1960.
- Pippidi D.M.* Istros et les getes au IIIe siècle av. notre ère // SC. – 1961. – T. 3.
- Pippidi D.M.* Epigraphische Beiträge zur Geschichte Histrias in hellenistischer und römischer Zeit. – Berlin, 1962.
- Pippidi D.M., Berciu D.* Din istoria Dobrogei. Vol. I. – București, 1965.
- Pippidi D.M.* Contribuții la istoria veche a României. Ed. 2. – București, 1967.
- Pippidi D.M.* Scythica Minora. – București-Amsterdam, 1975.
- Pippidi D.M.* Parerga. – București-Paris, 1984.
- Popescu D.* Le trësor dace de Sincrëni // Dacia. – 1958. – T. II n.s.
- Preda C.* Monede de un tip necunoscut provenind din Dobrogea // SCIV. – 1964. – T. XV. – No. 3.
- Preda C.* Monedele geto-dacilor. – Bucuresti, 1973.
- Ruscu L.* Relașiile externe ale orașelor grecești de pe litoralul românesc al Mării Negre. – Cluj-Napoca, 2002.
- Russu I.* Zoltes si Rhemaxos. Thracii, scitii si Istria in sec. III-II i.e.n. // Apulum. – 1967. – T. 6.
- Russu I.* Die griechische und lateinische Schrift im vorrömischen Dakien // Epigraphica. – București, 1977.
- Seibert J.* Historische Beiträge zu den dynastischen Verbindungen in hellenistischer Zeit. – Wiesbaden, 1967.
- Stefan A.* Études recentes d'épigraphie grecque en Roumanie // Eirene. – 1982. – No. 18.
- Suceveanu A.* Quelques reflexions autour du royaume de Burebista // AMN. – 1978. – Vol. 15.
- Swoboda H.* Seuthes (5) // RE. – 1916. – Hbd 18.
- Vulpe R.* Le problème des bastarnes à la lumière des découvertes archéologiques en Moldavie. – Bucarest, 1955.
- Vulpe R.* Argedava // Omagiu lui Constantin Daicovicu. – București, 1960.
- Vulpe R.* Studia Thracologica. – București, 1976.
- Will E.* Histoire politique du monde hellénistique. T. 1. – Nancy, 1979.

С.Ю. Сапрыкин

ГЕТО-ДАКІЙСЬКІ ЦАРСТВА ЕЛЛІНІСТИЧНОГО ЧАСУ

Резюме

У статті розкриваються особливості становлення державності в Гетике в епоху еллінізму. Особливістю соціально-політичного та економічного положення гетів була рихлість державної влади, збереження родо-племінних відносин та слабкість царів, які за своїм характером мало відрізнялися від племінних вождів. Міцність обцинних відносин, легкий наліт еллінізації гетського суспільства, відсутність романізації перешкождали

установленню добросусідства та торговельних зв'язків гетів з грецькими містами лівобережного Понта в епоху еллінізму. Ці особливості стримували процеси об'єднання гетських племен, а окремі спроби їх консолідації були викликані необхідністю завоювань, отримання дани та важливістю грабіжницьких набігів для збагачення племінної верхівки. Все це не сприяло створенню елліністичної державності до самого римського завоювання Гетики та Дакиї.

С.Ю. Сапрыкин

ГЕТО-ДАКИЙСКИЕ ЦАРСТВА ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

Резюме

В статье раскрываются особенности становления государственности в Гетике в эпоху эллинизма. Особенностью социально-политического и экономического положения гетов была рыхлость государственной власти, сохранение родо-племенных отношений и слабость царей, по своему характеру мало отличавшихся от племенных вождей. Прочность общинных отношений, легкий налет эллинизации гетского общества, отсутствие романизации препятствовали установлению добрососедства и торговых связей гетов с греческими городами левобережного Понта в эпоху эллинизма. Эти особенности сдерживали процессы объединения гетских племен, а отдельные попытки их консолидации были вызваны необходимостью завоеваний, получения дани и важностью грабительских набегов для обогащения племенной верхушки. Все это не способствовало созданию эллинистической государственности вплоть до римского завоевания Гетики и Дакии.

S.Y. Saprykin

THE GETIC-DACIAN KINGDOMS IN HELLENISTIC EPOCH

Summary

Peculiar features of establishment of Getic state system in Hellenistic epoch have been observed in the article. Tribal relations and weak power of the kings, who did not differ from tribal chiefs very much, were distinctive features of social, political and economic status of the Getae. Friability of state power, strong communal relations, light touch of Hellenization of the Getic society, and lack of Roman influence put obstacles in the way of setting good-neighborly and trade relations of the Getae with Greek cities of the left bank Pontos in the Hellenistic epoch. Those particular features restrained processes of integration of Getic tribes. Some attempts of their consolidation were caused by necessity of conquering, collecting levy and the importance of plundering raids to enrich the tribal clique. All those factors did not favor creating of Hellenistic state system right up to Roman conquest of Getika and Dacia.